

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Центр теоретико-литературных и междисциплинарных исследований*

**КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

29–30 ноября 2014 года

Мир сегодня уже более оверинжен и более предсказуем и созданием
каждого мирового правительства. Дэнди Гомфеллер.

Стереотипы и границы других стран не являются для США препятствием
при достижении Вашингтонских поставленных целей. Се... filmmusic.ru

Программа семинара

29 ноября (суббота)

11.00 – утреннее заседание

11.00–11.15.

Вступительное слово

Александр Панченко (ИРЛИ РАН)

11.15–12.00.

«Польский заговор» и «польская интрига» в русской литературе и фольклоре

Ксения Егорова (ИРЛИ РАН)

12.00–12.45

«Мировой коммунистический заговор – эпикриз Н.Н. Брешко-Брешковского (роман «Когда падают троны...»)

Алла Грачева (ИРЛИ РАН)

12.45–14.00 – **перерыв**

14.00 – вечернее заседание

14.00–14.45

Заговор «зайцев»: К истории одного романа 1930-х годов соцреалистической ориентации

Валерий Вьюгин (ИРЛИ РАН)

14.45–15.30

«... Русского гения должно зарыть!»: «борьба за классику» и заговор против русской литературы в интерпретации национально-консервативной публицистики «долгих 1970-х»

Анна Разуvalова (ИРЛИ РАН)

15.30–16.15

Русские этруски, антирусские ученые. Эпистемология обмана

Константин Богданов (ИРЛИ РАН)

16.15–16.30 – **дискуссия**

30 ноября (воскресенье)

11.00 – утреннее заседание

11.00–11.45

Слухи и толки об эпидемиях в России Нового времени: к истории вопроса

Диана Ильина (ИРЛИ РАН)

11.45–12.30

«...К отклонению будущих сплетений»: мифотворчество и конспирология во взаимоотношениях русской революционной эмиграции и старообрядческих общин

Игорь Кравчук (СПбГУ)

12.30–13.15

Демократия и паноптикум: слухи о слежке в современной Беларуси

Анастасия Астапова (Гартуский университет)

13.15–14.30 – перерыв

14.30 – вечернее заседание

14.30–15.15

«Дело Христофора Зырянова»: конспирологические мотивы в материалах следствия против старообрядцев-странников в Кировской области в 1920–1930-е гг.

Наталья Комелина (ИРЛИ РАН)

15.15–16.00

Компьютер по имени Зверь: эсхатология и конспирология в современных религиозных культурах

Александр Панченко (ИРЛИ РАН / СПбГУ)

16.00–16.45

«Нас может объединить только новое знание о себе»: конспирологическое воображение североосетинских интеллектуалов в поисках оптимистических сценариев развития нации

Сергей Штырков (ЕУСПб / МАЭ РАН)

16.45–17.15 – дискуссия

Семинар проходит в Малом конференц-зале Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН по адресу: Санкт-Петербург, набережная Макарова, 4. Просим иметь в виду, что в связи с ремонтом фасада вход в Пушкинский Дом осуществляется со двора (проход со стороны Тифлисской улицы)

Семинар проводится в рамках исследовательского проекта «Конспирологические нарративы в русской культуре XIX – начала XXI вв.: генезис, эволюция, идейный и социальный контексты», поддержанного Российским научным фондом (проект № 14-18-02952)

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Анастасия Астапова (Тартуский университет)

Демократия и паноптикум: слухи о слежке в современной Беларуси

Распространение наблюдения в современном мире, связанное во многом с урбанизацией, индустриализацией, а также борьбой с терроризмом, привело к созданию независимой дисциплины – surveillance studies («науки о наблюдении»), связанной, прежде всего, с этическими и экономическими аспектами слежки. Несмотря на то, что новая дисциплина, на первый взгляд, должна изучать недемократические государства с их предрасположенностью к незаконной слежке, surveillance studies концентрируется на демократических странах англо-саксонского происхождения, в которых правила наблюдения достаточно прозрачны, а власти предоставляют много информации исследователям. В то же время, в недемократических странах ученому часто доступны только слухи – жанр, упорно игнорируемый политологией, антропологией и прочими «серьезными» науками. В данном докладе я предлагаю обратиться к слухам о слежке в Беларуси, записанным в интервью, проведенных в 2011-2014 годах. Хотя белорусские слухи во многом обусловлены глобализацией, некоторые их элементы связаны с недавним прошлым (образуя устойчивую устную традицию), а также с современным политическим курсом страны. Доклад посвящен анализу слухов в белорусском контексте; для сравнения часто будут приводиться примеры слухов о слежке из других стран.

Константин Богданов (ИРЛИ РАН)

Русские этрусски, антирусские ученые. Эпистемология обмана

В докладе речь пойдет об истории и контекстах представления о русском происхождении этрусского языка и этрусской культуры. Насколько случайными являются идеологические и социально-психологические обстоятельства, предопределившие указанное представление, или их причины коренятся в характере самого гуманитарного знания – в тех случаях, когда в нем видятся аргументы, достаточные для поиска и обоснования национальной и культурной идентичности? По мнению докладчика, обсуждение этого вопроса требует прояснения более широкой проблемы: в какой степени эпистемология истории и филологии обнаруживает свою «конспирологическую» и, в частности, персонологическую составляющую: *кто* ответственен за истинность наших суждений о прошлом и настоящем?

Валерий Вьюгин (ИРЛИ РАН)

Заговор «зайцев»: К истории одного романа 1930-х годов соцреалистической ориентации

Роман Я.Д. Гинзбурга «Кусты и зайцы» (1930 - 1931), судя по некоторым газетным источникам, претендовал на то, чтобы занять место образчика литературы социалистического реализма. Вместо этого, впрочем, дело закончилось судом, обвинениями в плагиате, а так же скорым забвением и автора, и текста. В перспективе конспирологических исследований это двухтомное прозаическое произведение интересно прежде всего своим насыщенным сюжетом, в котором отразились стереотипные представления о вредителях, скрывающихся под разными масками, о евреях, ведущих

тайную борьбу в своих собственных интересах под прикрытием отвлекающих внимание лозунгов и деяний, о загадочном посредничестве Украины в подрыве российской государственности, и т. д. Обращение к подобного рода неудачным текстам, с одной стороны, позволяет лучше представить себе атмосферу времени и прояснить нюансы характерного для него конспирологического дискурса, поскольку представляют картину, далекую от той, которая известна по «советской классике»; с другой стороны, они помогают точнее определить место конспирологических нарративов в литературе 1930-х годов.

Алла Грачева (ИРЛИ РАН)

«Мировой коммунистический заговор – эпикриз Н.Н. Брешко-Брешковского (роман «Когда падают троны...»)»

В произведении беллетриста-эмигранта, образце «эмигрантского фэнтези», на основе использования поэтики сенсационного романа и народной лубочной книги представлена успешная реализации и итоговый провал варианта «мирового коммунистического заговора» в придуманной средиземноморской стране, являющейся символической проекцией России. Повествование Брешко-Брешковского о корнях, этапах и крахе экспортированной революции предстает как чаемый автором и его читателями альтернативный вариант развития русской истории.

Ксения Егорова (ИРЛИ РАН)

«Польский заговор» и «польская интрига» в русской литературе и фольклоре

Доклад опирается на идею о существовании польского (польско-католического) заговора против русского народа, православия и всего славянского мира, под которым сторонники данной идеи подразумевают, как правило, славянский православный мир – украинцев, белорусов, сербов, болгар, карпатских русинов и лемков. Образ поляка-предателя формировался в официальных и литературных дискурсах Российской империи на протяжении нескольких столетий (XVII–XXI вв.) и приобрел ряд характерных черт, а также устойчивых контекстов, в которых он традиционно появлялся. Поляк-предатель – враг и «внешний», и «внутренний». «Польский заговор» против православия и русского народа разворачивается в двух плоскостях: это и прямая польская экспансия, принимающая различные формы (насаждение католицизма, внедрение униатства, взятие Москвы польскими магнатами, подстрекательство к сожжению русской столицы во время Отечественной войны и т.д.); и предательская, «подрывная» деятельность внутри российского общества (например, биография и литературная судьба Ф. В. Булгарина, трактовки его литературной и общественной деятельности зачастую оказываются связаны с идеей о существовании польского заговора, направленного на разрушение России). В исследовании будет рассмотрен комплекс устойчивых конспирологических нарративов, связанных с идеей о «польском заговоре»:

1. Церковная уния как предательство русской веры и форма искоренения православия. Традиционно именно польская католическая миссия связывается с созданием и насаждением униатства на территориях современной Западной Украины и Белоруссии, среди карпатского православного населения (лемки и русины). Создание унии рассматривается как проявление польского заговора, целью которого является разрушение основ русского общества и борьба с православием как основой этого общества. Для анализа нарратива привлекаются следующие материалы: комплекс литературных и фольклорных текстов (в том числе лемковская и русинская литература); видеоматериалы

(русские документальные фильмы о церковной унии), которые фиксируют негативное отношение к унии, ее последователям и пропагандистам. В документальных фильмах униаты, как правило, обладают рядом типичных для поляка признаков: сарматская одежда, лисьи шапки с хвостами. Нередко к документальной хронике прибавлен видеоряд из польских фильмов (чаще всего кадры берутся из картины «Огнем и мечом»). Еще одним немаловажным источником для анализа конспирологических нарративов, связанных с церковной унией, станет материал, почерпнутый из современных газет и периодических интернет-изданий, включающих комментарии читателей, форумы, колонки и блоги пользователей. Происходящие на Украине события оживили дискуссию о роли унии в расколе восточнославянского православного мира, на первый план вновь вышла идея о польском негативном влиянии на население Западной Украины и тайной работе на территории Галиции, направленной на разрушение России.

2. Сожжение Москвы – как конечная цель «польского заговора». В этом разделе планируется проанализировать историю одного конспирологического нарратива, который связывает следующие события: польскую интервенцию и взятие Москвы в XVII в., а также сожжение Москвы Наполеоном. На страницах исторического, политического и литературного журнала «Сын Отечества», издававшегося в Санкт-Петербурге с 1812 г., обозначилась тема возможной связи между военным походом Наполеона на Москву и событиями Смутного времени, когда столица российского государства оказалась в руках поляков. При этом подчеркивалась явная преемственность между этими событиями и роль Княжества Варшавского в военных успехах Наполеона, из чего, соответственно, делался вывод о возможной «польской интриге», которая оказала влияние на планы Наполеона и стала своеобразной попыткой мести за события прошлого.

3. Поляки как «внутренние враги». В этом разделе будет проанализированы тексты, связанные со службой поляков в Российской империи.

Диана Ильина (ИРЛИ РАН)

Слухи и толки об эпидемиях в России Нового времени: к истории вопроса

Доклад посвящен генезису и функциям конспирологических сюжетов и связанных с ними социальных явлений в русской крестьянской культуре XIX – начала XX в. Речь идет о массовых слухах и толках первой половины XIX в., связанных с распространением холерных эпидемий и так называемыми «холерными бунтами». Исследователи истории эпидемий в Европе в эпоху Средневековья и Нового времени (Чарльз Розенберг, Аманда Дж. Томас) отмечают общий характер социальных и психологических реакций на эпидемии вне зависимости от вида заболевания или эпохи, когда случилась пандемия. Одна из характерных особенностей «моральных паник», связанных с пандемиями, – стигматизация и преследование различных социальных групп, на которые возлагается ответственность за появление и распространение болезни. В фокусе исследования – холерная эпидемия начала 1830-х гг., а также соответствующие холерные бунты Новгородских военных поселений. Проведенное исследование позволяет говорить о широком распространении конспирологических слухов и толков (в том числе – связанных с идеей «польского заговора») в контексте этого восстания.

Наталья Комелина (ИРЛИ РАН)

«Дело Христофора Зырянова»: конспирологические мотивы в материалах следствия против старообрядцев-странников в Кировской области в 1920–1930-е гг.

В качестве источников в докладе будут использованы материалы уголовных дел против религиозного движения старообрядцев-странников, а именно, в отношении общины, проживавшей в Мурашинском районе Кировской области, лидером которой был Христофор Иванович Зырянов, расстрелянный по приговору Верховного суда в 1936 году. Дела, доступные нам, охватывают период с 1923 по 1938 год.

Использование протоколов допросов и других документов судебных дел – специфический источник для антропологического анализа и представляет собой скорее антропологию следователей, нежели антропологию подверженного преследованию сообщества.

В СССР не существовало религиозных преступлений, и обвинения, предъявляемые сектантам, были светскими: это обвинение в контрреволюционной организации и контрреволюционной пропаганде. Однако еще в XVIII и XIX веках в ходе судебных дел против сектантов им инкриминировались скорее антиобщественные действия. Советская судебная система наследовала некоторый набор обвинений из более ранней царской традиции.

В первую очередь странников обвиняли в «подпольной организации». Чекисты выстраивали структуру этой организации по знакомой им модели революционного подполья (нелегальное положение, лидер, заместители или помощники, рядовые члены, связные, конспиративные квартиры, нелегальная литература, клички и др.). С другой стороны, изложенное в допросах учение странников вызывает к жизни представления о существующем несколько столетий тайном обществе, со сложной структурой, покрывающей страну, которое возглавляет совет старцев.

Антисоветские *действия* выражались в отказе принимать любые документы, называть свое имя, в отрицательном отношении к Советской власти (как власти Антихриста) и ее мероприятиям (служба в армии, займам, коллективизации и др.). В делах отмечаются также экономические преступления (вредительстве на железной дороге, в колхозах и др.).

Обвинения в антисоветской *пропаганде* связаны с вовлечением в «секту» несовершеннолетних. В деле 1929 года отправной точкой следствия была статья о вреде секты подпольников. Вред заключался в том, что вместо школы верующие родители отдают детей в кельи. Борьба за молодые умы и души выразилась в сюжете о дружбе девушки-избача из дер. Волковица и подпольницы, решившей выйти в мир, но украденной «сектантами».

Игорь Кравчук (СПбГУ)

«...К отклонению будущих сплетений»: мифотворчество и конспирология во взаимоотношениях русской революционной эмиграции и старообрядческих общин

В 2005 году известный литератор и публицист Д. Е. Галковский на страницах интернет газеты «Взгляд» удостоил старообрядчество звания «антирусской космополитической секты». «...образованный раскольник, — заключает автор статьи с характерным заголовком «О пользе контекста», — это образованный человек, ненавидящий Россию и сам уклад русской жизни». В самом деле, эти безапелляционные тезисы как нельзя ярче иллюстрируют ценность контекста, но еще более ярко — устойчивую и прихотливую судьбу конспирологических мифов о разнообразных «врагах России». В середине XIX столетия представления о старообрядцах и сектантах у представителей различных

социальных групп и политических лагерей, чиновников Министерства внутренних дел и ортодоксальных богословов, писателей и публицистов различных направлений претерпели ряд впечатляющих метаморфоз. Еще в мае 1849 года, излагая свои проекты необходимых в России реформ следственной комиссии, арестованный М. В. Петрашевский предостерегал правительство от новых гонений на «старообрядцев и раскольников», характеризуя их как «элемент, всегда готовый в русском обществе для ужасной *Jacquerie*». Опасения тогдашнего подследственного оказались близки опасениям одного из лиц, приведших участников пятничных дискуссий об учреждении фаланстеров в крепость — И. П. Липранди, по утверждению которого, часть старообрядцев должна находиться под неусыпным контролем и «должна считаться обществом политическим». Не вызывает сомнения тот факт, что официальные расследования деятельности старообрядцев были стимулированы возникновением на территории Австро-Венгрии т. н. Белокриницкой иерархии, подозревавшейся в связях с австрийскими политическими и финансовыми кругами, а также во взаимных симпатиях с польскими эмигрантами (в первую очередь, с А. Чарторыйским и М. Чайковским). Еще Н. И. Надеждин, выполнявший в старообрядческих общинах роль правительственного агента, в служебной записке позволял себе не менее радикальные формулировки, чем интернет-газета «Взгляд»: «...изуверы, обуянные раскольничеством, отлагаясь от сыновнего повиновения церкви, начали вместе отлагаться и от верноподданнических обязанностей к отечеству. Таков русский человек по природе и так воспитала его история, что <...> малейшая измена русскому православию неминуемо влечет за собой измену и Руси православной». Опубликовавший этот документ В. И. Кельсиев с негодованием замечает, что клевета, возводимая Надеждиным на старообрядцев, ложится на автора «страшным клеймом», из тех, что «не смываются никакими заслугами, даже и большими помещения в “Телескопе” письма Чаадаева». Имя самого Кельсиева связано с неудавшимся амбициозным проектом альянса русского революционного подполья с религиозными диссидентами. Проект, основными вехами которого стали нелегальная поездка Кельсиева в Москву для переговоров с Рогожской общиной, издание под руководством Н. П. Огарева газеты «Общее вече», переписка А. И. Герцена с Пафнутием Коломенским и Гончаром, наконец, «процесс 32-х» и взаимное разочарование, достаточно подробно освещен в литературе. Особый интерес для иницилируемого нами исследования представляет то направление, которое приняло официальное расколоведение под влиянием публикаций «Вольной русской типографии».

Представление о выдающемся революционном потенциале раскольников как выразителей подлинных чаяний русского народа неоднократно находило отражение в программных документах народнических кружков — одно из наиболее прямолинейных и широко известных упоминаний находим в прокламации П. Г. Заичневского «Молодая Россия»: «Мы надеемся на народ: он будет с нами, в особенности старообрядцы, а ведь их несколько миллионов». Подобные заявления, по всей видимости, ставили перед идейными и политическими оппонентами народнической публицистики двоякую задачу: не преуменьшая потенциального вреда религиозного раскола для ортодоксальной церкви, общества и государства, следовало продемонстрировать несостоятельность тех надежд, которые возлагались на раскол «лондонской партией». Неслучайно резонансной публикации профессора Н. И. Субботина «Раскол как орудие враждебных России партий» был предпослан эпиграф из архипастырского послания к русским старообрядцам 1863 года, содержавшего недвусмысленную директиву: «Бегайте убо оных треклятых, <...> то бо суть предтечи антихристовы, тщашися безначалием предуготовати путь сыну погибельному». Эпитетом «треклятые» в послании награждались «мятежные крамольники поляки» и заодно «злокозненные безбожники, гнездящиеся в Лондоне». Двойное дистанцирование от Герцена и поляков не только отсылает к восстанию 1863 года, но и подсвечивает идею о расколе как о глубоко национальном явлении: для Кельсиева

старообрядцы — истинно русские люди и именно поэтому им суждено стать авангардом грядущих политических перемен; для Субботина старообрядцы не менее глубоко укоренены в русской истории и культуре, но их требования никогда не пересекают пределов богословия и религиозной обрядности, а приписывание им социально-политической повестки ошибочно и обнаруживает враждебность и чужеродность России тех, кто так поступает. Своеобразным промежуточным итогом анализа раскола как политического явления в 1860-х становится работа Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869), в оптике которой «религиозные уклонения, болезни русского народа» демонстрируют, с одной стороны, «настойчивую охранительность», с другой — «на способность к религиозно-философскому мышлению», отличающую нашу нацию. Одним из важных пунктов в построениях Данилевского становится ренегатство католиков-поляков, резко отграничивающее их от остального славянского мира — уже это обстоятельство должно было затруднить усилия «лондонских безбожников».

Достаточно красноречиво взаимное непонимание религиозных и политических диссидентов изображается тенденциозной беллетристикой. Восклицания Басардина в романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» (1863) «Раскольников надо поднять! Денег у них, у чертей, пропасть! В Рогожское затесаться к ним надо!». Не менее наивным выглядит стремление разбудить «недовольный элемент» и у Н. С. Лескова в романе «Некуда» (1864). Герой книги Стрепетов раздражается недоуменным вопросом: «Зачем же вы, господа, раскольников-то путаете? <...> Ну помилуйте, скажите: есть ли тут смысл?».

Несмотря на очевидную дискредитацию лондонского проекта в ходе польских событий и при деятельном участии консервативно настроенных публицистов, интерес к «религиозному разномыслию» в антиправительственных кругах обнаруживает парадоксальную устойчивость на протяжении всего XIX века, предоставляя сюжеты и типы народнической беллетристике и вдохновляя целое поколение этнографов-народников от Щапова до Пругавина. В публицистике русские старообрядцы и сектанты сравниваются то с гуситами, то с анабаптистами, в сектантстве подозревается чета Лопуховых в «Что делать?», а Верховенский в «Бесах» предлагает пустить легенду «почище, чем у скопцов». В 1895 году в свет выходит роман С. М. Степняка-Кравчинского «Штундист Павел Руденко», в известном смысле открывающий новый этап бегло очерчиваемого процесса. Штунда в России зачисляется в список наиболее вредных для общества сект, в начале XX века можно найти немало миссионерских пособий по разоблачению штундистов и их происков на местах. Путь, пройденных отечественной мыслью со времен гневных отчетов Надеждина, запечатлевает, в частности, письмо А. С. Суворина К. П. Победоносцеву от 18 ноября 1893 года: «...враги православия овладевают большими и большими средствами для того, чтобы вредить ему и пользоваться его слабыми сторонами. Возникла штунда, явится что-нибудь другое, а православие продолжает враждовать со старообрядчеством, которое могло бы стать ему помощником».

Тем более принципиальной становится задача реконструкции идеологических метаморфоз, имевших место в 60-е годы, когда два противоборствующих лагеря щедро черпали мифологические и конспирологические конструкции друг у друга, пытаясь обратить их в свою пользу, когда консервативная критика раскола в православии становилась трамплином для публичных выступлений прогрессивных кружков, а обороняющиеся консерваторы были вынуждены развенчивать собственные мифы и идти по пути дозированной апологетики старообрядцев, ставя на карту ортодоксальную догматику. Таким образом, миф о влиятельном раскольничьем подполье впитывал в себя и «польскую интригу», и панславистские настроения, и множество других сюжетов общественных настроений в России. Отдельный и не менее важный сюжет составляет восприятие происходящего самим объектом всех этих построений. Где сами старообрядцы помещали себя на этой карте политических заговоров? В докладе мы бы

хотели очертить различные аспекты генезиса «раскольничьего сюжета» и наметить перспективы и рамки дальнейшей работы внутри общего исследовательского проекта.

Александр Панченко (ИРЛИ РАН / СПбГУ)

Компьютер по имени Зверь: эсхатология и конспирология в современных религиозных культурах

Одна из первых попыток дать истолкование конспирологии (скорее, впрочем, как эпистемологической модели, а не форме коллективного воображения) была предпринята Карлом Поппером, полагавшим, что теории заговора «подобно современному историцизму и современным попыткам установить естественные социальные законы, являются типичным результатом секуляризации религиозных предрассудков». Конспирологию, таким образом, предлагалось считать своего рода «пережитком» религиозных культур, трансформированной или деформированной религией, явлением, не обладающим культурной, социальной и когнитивной спецификой. Хотя сейчас эту идею вряд ли можно принимать всерьез, очевидно, что между религиозными и конспирологическими дискурсами существует особая связь, что многие социальные явления и идеологические тенденции, опознаваемые нами в качестве религиозных, обладают, если можно так выразиться, специальной валентностью к конспирологическим объяснительным моделям. К числу таких явлений, без сомнения, необходимо относить христианскую эсхатологию (в том числе – и современную). По справедливому замечанию американского политолога Майкла Баркана, «вера в заговоры имеет первостепенное значение для миллениаризма конца XX – начала XXI в. Это неудивительно – миллениаристские идеи всегда предрасполагали своих адептов к вере в заговоры. Подобное мировоззрение может быть названо манихейским, в том смысле, что оно воспринимает все окружающее в терминах борьбы между светом и тьмой, добром и злом и утверждает, что этот дуализм сохранится до конца истории, когда зло будет побеждено окончательно и полностью».

Доклад посвящен группе «эсхатолого-конспирологических» сюжетов, играющей довольно заметную роль в массовой религиозной культуре современной России и спровоцировавшей серию «моральных паник» в 1990-е и 2000-е гг. Речь идет об апокалиптических ожиданиях, связанных с распространением компьютерных технологий, штрихового кодирования, электронных карт и различных средств индивидуальной идентификации. Одним из источников этих ожиданий стал сюжет о «компьютере по имени «Зверь»», сформировавшийся в культуре так называемых «ультраконсервативных» или «новых правых» христиан (*New Christian Right*) США в 1970-е гг. Впоследствии именно история об апокалиптическом компьютере войдет в «конспирологический канон» радикального православного движения против штрих-кодов, индивидуальных налоговых номеров (ИНН) и электронных карт. Более того, именно она послужила если не триггером, то своего рода нарративным фундаментом этого движения, оказавшего довольно заметное влияние на идеологические и теологические дискуссии в рамках различных религиозных организаций – в том числе и РПЦ МП, которой неоднократно приходилось обсуждать «проблему» ИНН, СНИЛС, а также паспортов с электронными чипами на самом высоком уровне.

Сергей Штырков (ЕУСПб / МАЭ РАН)

Нас может объединить только новое знание о себе»: конспирологическое воображение североосетинских интеллектуалов в поисках оптимистических сценариев развития нации

В современном дискурсивном поле республики Северная Осетия-Алания конспирологические рассуждения в духе этнонационалистической и геополитической эсхатологии стали настолько общим местом, что их авторы зачастую не затрудняют себя экспликацией своих аргументов. В отличие от «среднего» европейского общества осетинское представляет собой социальное пространство, связанное (и разделенное одновременно) фамильными связями. Это определяет распространенную в этом обществе привычку объяснять события и явления общественной жизни происхождением и клановой принадлежностью участников, а также искать и находить дополнительную (для нас) информацию для того, чтобы объяснить «что на самом деле происходит».